

ЭМАНУИЛ ИОФФЕ

Их убивали, но они боролись

*Неизвестные и малоизвестные страницы
истории Минского гетто*

Минское гетто было одним из самых крупных в Восточной Европе, а на оккупированной территории СССР оно занимало второе место по количеству узников после Львовского, которое насчитывало 136 тысяч человек. В Минском гетто находилось вначале 55 тысяч узников, затем — 80 тысяч, а после прибытия иностранных евреев — более 100 тысяч узников.

Об истории Минского гетто уже опубликовано более 130 работ на русском, белорусском, немецком, английском, польском языках, а также на иврите и идиш. Среди них следует отметить две книги Г. Смоляра — «Мстители гетто» (М., 1947) и «Минское гетто» (на английском языке, Нью-Йорк, 1989; переведена на белорусский язык); книгу «Judenfrei! Свободно от евреев!» История Минского гетто в документах», автором-составителем которой является Р. А. Черноглазова (Мн., 1999); два издания книги А. Рубенчика «Правда о Минском гетто» (Тель-Авив, 1999, и Израиль, 2007) и документальные свидетельства бывшей узницы Минского гетто, подпольщицы и партизанки Анны Мачиз под названием «Анна Мачиз: свидетельства трагедии и борьбы в Минском гетто 1941—1943 гг.» (сост. Л. А. Цыринский; Мн., 2011).

О Минском гетто написаны диссертации, создано несколько документальных фильмов.

Кажется, мы знаем о Минском гетто все. Но это только кажется.

К сожалению, и сегодня — спустя 70 лет после его гибели — в истории этого гетто существует немало «белых пятен». В данном материале мне хотелось бы акцентировать внимание читателей на неизвестных и малоизвестных страницах истории Минского гетто. В этом мне помогут результаты многолетних поисков в фондах архивов и музеев Республики Беларусь, Российской Федерации, Государства Израиль, Соединенных Штатов Америки, некоторые материалы из архивов и музеев Федеративной Республики Германии, интервью с более чем 100 узниками Минского гетто, а также тщательное изучение других многочисленных и разнообразных источников.

Кроме этого, в 1990-х годах автор этих строк был руководителем научного проекта «Нацистская политика геноцида в отношении еврейского населения Белоруссии в 1941—1944 годах», в результате которого в 2003 году в Минске была издана его монография «Белорусские евреи: трагедия и героизм: 1941—1945».

* * *

Решение о создании этого гетто было принято 19 июля 1941 года — через три недели после захвата Минска немецкими войсками. В этот день в Минске состоялось совещание командующего тылом группы армий «Центр» генерала Макса Шенкендорфа и высшего начальника СС и полиции генерального округа

«Белоруссия» бригаденфюрера СС Карла Ценнера, на котором рассматривались вопросы взаимодействия и уничтожения евреев. Именно 19 июля 1941 года комендант 812-й полевой комендатуры полевой полиции Минска (фельдкомендант) Карл Шлегель подписал распоряжение полевой комендатуры о создании гетто в Минске, которое было обнародовано на следующий день. Оно было расклеено на видных местах города на немецком, русском и белорусском языках.

До сих пор в различных источниках и даже в энциклопедических изданиях приводятся противоречивые сведения о количестве узников Минского гетто в 1941—1943 годах. Называются такие цифры: 50 тысяч, 55 тысяч, 75 тысяч, 80 тысяч, 85 тысяч, около 100 тысяч, 100 тысяч, более 100 тысяч человек.

По мнению большинства ученых-историков, к началу Великой Отечественной войны в Минске считывалось около 85 тысяч евреев, а уже к 25 июня 1941 года вместе с евреями-беженцами из городов Западной Белоруссии и Минской области в Минске находилось около 100 тысяч евреев. Около 45 тысяч евреев были мобилизованы военкоматами города и успели эвакуироваться до того, как в Минск вступили немецкие войска.

Таким образом, есть основания предполагать, что 28 июня 1941 года около 55 тысяч евреев Минска оказались в немецкой оккупации.

После регистрации этого количества евреев в Минск начали возвращаться евреи, не сумевшие эвакуироваться и пытавшиеся переселиться в деревни Минского и других окрестных районов. Кроме этого, оккупационные власти периодически переселяли в Минское гетто евреев из прилегающих к Минску городов и местечек — таких как Слуцк, Узда, Червень, Койданово (Дзержинск), Смилевичи. Итак, можно предположить, что уже в июле 1941 года в Минске насчитывалось около 80 тысяч евреев, в том числе 55 тысяч минчан.

С ноября 1941 года в результате насильственной депортации в Минск тысяча евреев из Германии, Австрии, Чехословакии и других стран Европы еврейское население города постепенно увеличивалось, несмотря на облавы и погромы. Многие исследователи считают, что вместе с иностранными евреями через Минское гетто прошло 100—105 тысяч евреев, в том числе около 85 тысяч узников гетто.

До сих пор в ряде работ приводятся противоречивые мнения о периодах истории Минского гетто. По мнению автора этих строк, данную историю можно условно разделить на четыре периода:

Рабочая колонна. Минское гетто.

1. С начала июля 1941 года до первого крупного погрома 7 ноября 1941 года.

2. С первого крупного погрома 7—8 ноября 1941 года до четырехдневного погрома 28—31 июля 1942 года.

3. С августа 1942 года до последнего погрома 21—23 октября 1943 года.

4. С 23 октября 1943 года до 30 июня 1944-го — функционирование филиалов «большого» гетто на заводе им. Молотова (теперь холдинг «Горизонт») и кожгалантерейной фабрике им. Куйбышева (теперь компания «Галантэя»).

Еще и сегодня мы не можем со стопроцентной точностью ответить на вопрос, сколько облав и погромов было в Минском гетто.

Только в августе 1941 года было проведено шесть облав: 7, 14, 16, 24, 26 и 31 августа. Во время беседы в партизанском отряде в феврале 1944 года бывшая узница Минского гетто Хана Израилевна Рубинчик показала:

Анна Мачиз.

«Примерно через неделю после того, как население переселилось в гетто, начались облавы. Первая облава была 7—8 августа (1941 года), тогда было взято человек 800 мужчин. Их взяли якобы на какие-то работы, но больше эти люди не вернулись. Врывались в дома, забирали подростков, стариков, мужчин. По улице идет человек, его забирали, не разбираясь... Предварительно оцеплялся район гетто пулеметами со всех сторон, чтобы не было никакого выхода и входа, и людей вылавливали таким же методом, как собак»¹. По свидетельству бывшей узницы Минского гетто Е. П. Майзлес, до 26 августа 1941 года немцы выловили около 15 тысяч мужчин и увезли их. Мужчин моложе 14—15 лет и старше 45 лет немцы не брали. Анна Мачиз и «Черная книга» оценивают число жертв — узников Минского гетто в августе 1941 года в 5 тысяч человек. Скорее всего, эта цифра ближе к истине.

Одной из самых главных, первостепенных и коварных целей нацистов было истребление молодых мужчин-евреев, в основном призывного возраста, то есть тех, кто мог бы оказать им яростное сопротивление в дальнейшем.

В августе 1941 года Якову Абрамовичу Негневицкому было только 16 лет. В 1992 году в беседе с автором этих строк Негневицкий вспоминал: «26 августа 1941 года я попался немцам. Это была большая облава. Немецкие крытые фургоны набивали мужчинами и вывозили из гетто в неизвестном направлении. Слухи шли разные. Но обратно никто не вернулся, скорее всего, этих узников гетто расстреляли. Я чудом избежал этой страшной участи. 31 августа 1941 года картина повторилась. Но уже было ясно, что надо прятаться. Мы с соседом убежали на чердак и прятались там. У меня нет сомнения в том, что немцы решили убрать из гетто молодых и здоровых мужчин, способных к сопротивлению».

В Национальном архиве Республики Беларусь удалось обнаружить ценный документ о действиях немецких полицейских формирований в конце августа —

¹ Центральный архив КГБ Республики Беларусь (далее ЦА КГБ РБ). Ф. 40. Оп. 2. Гр. 3. Л. 216.

начале сентября 1941 года. Речь идет о дневнике боевых действий 322-го полицейского батальона с 10 июня по 29 октября 1941 года. Там есть такие строки:

«31 августа 1941 г.

...7-я и 9-я роты проводят еврейскую акцию в Минске, во время которой арестовано примерно 700 евреев, в том числе 64 женщины. Все арестованные доставлены в тюрьму Минска...

1 сентября 1941 г.

9-я рота совместно с СД и НСКК (Национал-социалистическим моторизованным корпусом. — Э. И.) вне Минска проводила расстрелы 914 евреев, в том числе 64 евреек. Среди этих лиц находились около 700 чел. евреев и евреек, захваченных вчера 7-й и 9-й ротами Минска и доставленных в тюрьму. Расстрелы прошли без особых происшествий. Попыток к побегам, благодаря удобной выбранной местности для расстрела, осмотрительности руководства и уже приобретенному опыту, со стороны мужчин евреев не было. Благодаря решительным и надежным действиям 9-й роты, вся работа закончена в кратчайший срок. 64 еврейки расстреляны за то, что во время акции оказались без еврейских нашивок...»¹

Большинство историков считает, что в истории Минского гетто было пять наиболее массовых погромов: 7—8 и 20 ноября 1941 года, 2 марта и 28—31 июля 1942 года, 21—23 октября 1943 года.

В имеющихся исследованиях почти не упоминается крупный погром в Минском гетто, который начался 23 мая 1942 года и продолжался четыре дня. В ходе этого погрома вместе с узниками «большого гетто» погибло большинство узников зондергетто, которые были депортированы в Минск из Германии, Австрии и Чехословакии.

Еще до погромов в ноябре 1941 года и в период между погромами практиковались ночные бандитские налеты. Эти налеты вошли в систему — буквально еженощно уничтожались одна-две семьи. В них принимали участие немцы вместе с полицейскими. Как правило, они всегда были пьяными.

Хана Рубинчик свидетельствовала: «Я могу рассказать о двух подобных бандитских налетах. Одного из них я была очевидцем, так как семья, которую уничтожили, проживала напротив нас. С наступлением темноты стучались в дверь. Если мы не открывали дверь, они взрывали дверь гранатой, входили в квартиру. Конечно, выйти из квартиры никто не мог. Мне известны факты истребления в ночных налетах родителей Мушкина (первого председателя юденрата. — Э. И.), его отца, матери, сестры, семьи Коварских, которые проживали на Фруктовой улице.

Уничтожение семьи Коварских произошло следующим образом. Постучали в дверь ночью пьяные бандиты. Сын Коварских открыл им дверь. Они тут же на пороге его убили и вошли в комнату. На кровати лежали двое малых детей — девочки 5 и 9 лет. Их обеих пристрелили. Отцу вырвали бороду, кололи штыком, потом застрелили. Девушку лет 19 заставили раздеться догола. Издевались над ней, заставили танцевать на столе, штыком кололи ей ноздри, а затем уничтожили. Откуда все эти подробности известны? Под кроватью спрятался один из сыновей Коварского, которому удалось уцелеть.

Еще один случай. Одна наша соседка (Берман Аня), которая с нами жила. Ушла куда-то обменивать вещи. Она была похожа на русскую. Долго Аня не возвращалась, мы уже стали беспокоиться. Явилась она в 8 часов вечера и рассказала нам следующее. Когда она шла домой, то проходила мимо одного дома. Оттуда выскакивает полицейский и спрашивает — жидовка или русская? — Нет,

¹ Национальный архив Республики Беларусь (далее — НА РБ). Ф. 1440. Оп. 3. Д. 936. Л. 17—20, 23—26, 31—34.

русская. — Чего шляешься? — Я иду домой. Мне нужно пройти через гетто. Полицейский ее и еще одного русского парня втолкнул в дом. Завязал им обоим глаза, посадил в отдельную комнату и сказал: «Все, что вы услышите или увидите, под страхом смерти никому не говорите». И начал истязать семью, проживающую в этом доме. Потом, когда полицейский ушел и женщина вышла, она увидела на полу лужи крови, лежали истерзанные трупы с распоротыми животами, с выколотыми глазами, с отрезанными ушами. Трудно себе представить, что там творилось. Перед тем как уйти, полицейские забрали все вещи...

Когда в гетто произошел случай с семьей Коварских, еврейский комитет в лице Мушкина заявил немецким властям, что ночью в гетто происходят бесчинства. Приходил офицер, который извлек пулю из убитого человека, посмотрел и говорит: «Эта пуля не немецкого происхождения, поэтому немецкие власти не отвечают, и в дальнейшем к нам с такими заявлениями не обращайтесь»¹.

Еще и сегодня, спустя более 70 лет, точно не известно, кто были эти изверги и негодяи — немцы, полицейские, выпущенные немцами из тюрем уголовники или пьяные мародеры.

В конце марта 1942 года началась волна ночных погромов.

Наиболее известные ночные погромы произошли 31 марта, 3, 15 и 23 апреля 1942 года.

Особенно жестоким был внезапный и краткий погром 23 апреля. Убийцы окружили дома по улицам Обувная, Сухая, Шорная и Коллекторная. Погром начался в 17 часов и закончился в 23 часа. В результате погибло 500 узников Минского гетто.

По свидетельствам многих узников, ночных погромов в Минском гетто было значительно больше — они происходили почти каждую ночь.

* * *

Кроме белорусских и польских евреев с ноября 1941 года в Минское гетто и Тростенецкий лагерь смерти стали прибывать эшелоны с евреями Германии, Австрии, Чехословакии и других стран Европы.

Депортация в Минск глубокой осенью 1941 года проходила в рамках «второй фазы депортаций». В частности, предусматривалось, что в период с 10 ноября по 16 декабря 1941 года в Минск каждые два дня будет прибывать один транспорт с депортируемыми. Всего в 1941 году должно было прибыть 17 транспортов плюс еще 7 с 10 по 20 января 1942 года. Однако фактически прибыло только 7 транспортов. Общее число депортированных составило около 6 959 человек, причем шесть эшелонов прибыли до 18 ноября более или менее в соответствии с расписанием движения, а последний, из Вены, — с опозданием.

Оккупационные власти строго следили за тем, чтобы эшелоны с депортированными прибывали до праздников или выходных дней. Для этого по согласованию с представителями имперской железной дороги прибытие поездов задерживалось до необходимого времени. Это также требовало согласованности — после прибытия их должны были ожидать грузовые автомобили. Поэтому не стоит удивляться, что поезд из Вены с пожилыми людьми, выехавший в Минск 28 ноября 1941 года, прибыл только через 10 дней.

Причиной преждевременного внезапного прекращения депортаций в Минск стала катастрофическая ситуация на железных дорогах на территории группы армий «Центр» в период, когда предпринимались усилия для предотвращения угрозы поражения в Московской битве, чего не наблюдалось при депортациях в Ригу, находившейся в зоне группы армий «Север».

¹ ЦА КГБ РБ. Ф. 40. Оп. 2. Гр. 3. Л. 221—223.

7 ноября 1941 года руководитель нацистского отдела по делам евреев Клаус Геттше, гестапо и главный полицейский штаб Гамбурга передал в главную дирекцию финансов в Гамбурге список с именами 1000 евреев, которых необходимо «эвакуировать» в Минск 8 ноября 1941 года, а также список 420 гамбургских евреев, которые должны быть отправлены в Минск 18 ноября 1941 года.

Итак, около 1 000 евреев было необходимо зарегистрироваться в Гамбурге: 20 покончили жизнь самоубийством и 20 другим было позволено занять их место...

8 ноября 1941 года первый эшелон с евреями из Гамбурга тронулся в путь. В большинстве источников отмечается, что он прибыл в Минск 11 ноября 1941 года с 990 пассажирами. Чудом оставшийся в живых пассажир этого поезда Хайнц Розенберг вспоминает: «Поезд ехал через Берлин и Польшу к русской границе и оттуда в Минск, куда мы прибыли вечером 11 ноября. Три дня и три ночи мы были в пути. Так как было уже поздно, эсэсовцы решили не разгружать поезд до утра. И мы должны были еще одну ночь провести в холодном поезде»¹.

Большинство приехавших было размещено в Минском гетто, но значительное их количество направлено на расстрел в Благовщину.

12 ноября 1941 года оберштурмфюрер СС Мюллер отдал приказ навести порядок в красном и белом домах Минского гетто. «Гамбургский лагерь» — будущее зондергетто № 1 требовалось обнести колючей проволокой.

Пассажиров этого транспорта поселили в районе улиц Обувной, Республиканской, Сухой, в той части Минского гетто, в которой несколько дней назад — 7 ноября 1941 года — прошел первый страшный дневной погром. Во время этого погрома погибло от 7 до 10 тысяч евреев. В домах, выделенных для проживания гамбургских евреев, царил ужасный беспорядок, комнаты были залиты кровью. Как и приказал Мюллер, район с немецкими евреями был обнесен колючей проволокой. Так было создано зондергетто (особое гетто) № 1.

Так как первый транспорт иностранных евреев прибыл из Гамбурга, всех иностранных евреев, проживавших в зондергетто, как узники Минского гетто, так и жители Минска и его окрестностей, называли «гамбургскими» евреями, хотя они прибывали из разных стран Западной, Центральной и Восточной Европы.

Таким образом, в ноябре 1941 года в Минск депортировались евреи из Гамбурга, Дюссельдорфа, Франкфурта-на-Майне, Берлина, Брно, Бремена и Вены. Если из таких крупных городов с многочисленным еврейским населением отправлялись эшелоны только с жителями этих городов, то полицейские управления других городов, на которые возлагалась организация «эвакуации», должны были решать и задачу обеспечения депортации евреев со всей окружающей территории, то есть и из соседних городов и сельской местности.

Более действенным был протест против депортации евреев военного командования, которое потребовало от руководства полиции безопасности и СД не забивать железные дороги поездами с депортируемыми евреями, мешающими военным перевозкам. Командующий немецкими войсками в Прибалтике генерал-лейтенант Бремер 20 ноября 1941 года телеграфировал рейхскомиссару «Остланда»: «Я считаю депортацию евреев из рейха совершенно невозможной». При этом он ссылаясь на распоряжение командования группы армий «Центр» прекратить все депортации евреев.

Этот протест привел к тому, что депортации иностранных евреев в Минск были приостановлены в конце ноября 1941 года и возобновились только в мае 1942 года.

¹ Массер Ф. Депортация и уничтожение евреев из Гамбурга: хронология событий // Лагерь смерці Трасцянец 1941—1944 гг.: памяці ахвяр нацызма ў Беларусі. Мінск, 2005.

По мнению большинства историков, в 1942 году из Третьего рейха в Минск и Тростенецкий лагерь смерти было направлено 22 транспорта общим количеством 19 494 человека, в том числе 8 эшелонов из Германии (7 893 чел.), 11 транспортов из Австрии (9 568 чел.) и 7 транспортов из Чехии (8 992 чел.). Всего в 1941—1942 годах исследователи насчитывают 29 эшелонов с общим количеством депортируемых в 26 453 человека. В действительности их было не менее 30.

Большинство депортируемых из Германии, Австрии и Чехии до последнего момента не знали, куда их повезут и что их ждет на новом месте. Анализ воспоминаний тех, кто остался в живых, показывает, что депортируемые, несмотря на всю неопределенность положения, не верили в худшее. Они отправлялись в путь на чужбину с верой и надеждой.

В июле 1942 года в Минск прибыл эшелон узников из концлагеря Дахау. Вот что свидетельствовал чудом уцелевший узник Дахау и Тростенца Э. Шлейзингер: «С весны 1942 года дважды в неделю, как правило, по вторникам и пятницам, в Тростенец привозят для уничтожения граждан иностранных государств — Австрии, Польши, Чехословакии, Франции, Германии. Иногда эшелоны прибывали на ст. Минск, но гораздо чаще по специальной ветке обреченных подвозили совсем близко к Тростенцу. Обычно это бывало в 4—5 утра. Прибывших выгружали на площадку, забирали вещи и выдавали квитанцию, чтобы предотвратить у людей тревогу за свою судьбу. Надо сказать, квитанции убеждали приговоренных к смерти в том, что их переселяют на новое место...»¹

В отчете генерального комиссара Белоруссии В. Кубе рейхскомиссару Остланда Г. Лозе об уничтожении евреев Минского гетто и борьбе против партизан от 31 июля 1942 года есть такие строки:

«...В связи с этим понятно негодование оберштумбанфюрера СС д-ра Штрауха, который доложил мне этой ночью, что после окончания акции в Минске неожиданно, без указаний Рейхсфюрера и без уведомления генерал-комиссара, прибыл в распоряжение местного командования военно-воздушных сил транспорт с 1 000 евреев из Варшавы»².

А ведь этого транспорта нет в графике депортаций евреев из стран Европы, который фигурировал на судебном процессе Г. Хойзера.

Таким образом, 31 июля 1942 года в Минск были перевезены 1 000 варшавских евреев, которые были предназначены для выполнения работ в интересах Люфтваффе (ВВС) в районе Минска. В. Кубе грозил уничтожить их и все последующие несогласованные с ним перевозки. Произошло ли это на самом деле, сказать трудно.

В беседе с автором этих строк один из оставшихся в живых из депортированных в Минск немецких евреев Гюнтер Катценштайн отметил, что в пассажирских вагонах было по 50—60 человек, а в товарных вагонах для скота от Волковыска в Минск и Тростенецкий лагерь смерти набивалось до 100 человек.

Если в каждом вагоне находилось от 50 до 100 человек (только в одно купе набивали 10 человек), то количество иностранных евреев, депортированных в район Минска в 1942 году, в среднем составит около 75 тысяч человек.

Если прибавить к этой цифре 6 959 иностранных евреев, депортированных в Минское гетто и Тростенецкий лагерь смерти в 1941 году, то общее их количество составит около 82 тысяч человек, а не свыше 26,5 тысяч человек, как считает подавляющее большинство исследователей.

Кроме того, есть определенные основания считать, что депортация иностранных евреев на железнодорожную станцию Минск продолжалась в январе—

¹ Ванькевич А. Экскурсия в Тростенец. Минск, 1986.

² Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941—1944). Иерусалим, 1992.

феврале 1943 года. Об этом свидетельствует телеграмма немецкой генеральной железнодорожной дирекции «Ост» дирекциям железных дорог Третьего рейха и оккупированных территорий о спецпоездах для транспортировки евреев, посланная из Берлина 16 января 1943 года:

«Имперским железнодорожным дирекциям Берлина, Бреслау, Дрездена, Эрфурта, Франкфурта, Галле (Заале), Карлсруэ, Кенигсберга (Пруссия), Линца, Майнца, Оппельна, Франкфурта-на-Одере, Познани, Вены, генеральной дирекции восточной дороги в Кракове, имперскому протектору, группе железных дорог в Праге, генеральной дирекции путей сообщения в Варшаве, дирекции государственных путей сообщения Минска.

Дополнительно главному эксплуатационному Управлению Мюнхена (юг) и Эссена (запад) по 3 экз.

Пересылаем утвержденный 15.01.43 в Берлине список спецпоездов для переселенцев на период с 20.01 по 28.02.43 и расписание движения этих поездов (к сожалению, это расписание до сих пор не найдено. — Э. И.). Состав поезда указывается при каждом маршруте. После полного оборота вагоны следует прочистить, в необходимых случаях продезинфицировать и после завершения программы пустить в дальнейший оборот.

Количество и вид вагонов устанавливать после отправления последнего поезда, сообщать нам по телеграфу и подтверждать служебной открыткой.

Подписал доктор Якоби

Заверил: (подпись неразборчива)»¹.

По мнению белорусского историка К. И. Козака, анализируя данные депортации евреев Германии, Австрии и Чехии в Минск, можно их представить в рамках 2 периодов — 1941 и 1942 годов, которые делятся на 4 этапа. Первый, с 8 по 28 ноября 1941 года, характеризуется определением мест (Германия, Чехия, Австрия), из которых будет осуществляться полная депортация. Второй — с 6 мая по 9 июня 1942 года — австрийский этап, третий — с 13 июня по 14 июля 1942 года — чешский, и последний, четвертый, завершающий этап, самый продолжительный по времени и самый большой по количеству депортированных с 20 июля по 5 октября 1942 года, как и первый, включает три государства.

Чаще всего в Волковыске депортируемые должны были перейти в крытые товарные вагоны. Для поддержания порядка при пересадке оккупационными властями привлекалась железнодорожная и местная полиция. Что касается переселенцев, то им поручалось чистить вагоны. В то же время запрещалось брать другие вагоны, так как прибывшие предназначались для многократного применения.

Весь путь передвижения евреев Рейха и Протектората в Белоруссию тщательно контролировался оккупационными властями. Тщательно готовилась сама организация подбора вагонов, охрана, перемещение к месту дислокации. Не допускалось никакой утечки информации.

Гамбургские евреи были первыми, кто ступил на территорию зондергетто № 1 Минского гетто. Они были маркированы нашивками с шестиконечной звездой желтого цвета на правой стороне груди. Была проведена регистрация трудоспособного населения. Для управления зондергетто был создан совет немецких евреев во главе с доктором Эдгаром Франком из Гамбурга, позже Эриком Харфом из Бремена, а также служба общественного порядка.

Когда в Минск из Берлина 18 ноября 1941 года прибыл эшелон, его руководителем и начальником лагеря был Фройденталь. Определенные охранные функции в этом эшелоне исполнял один из оставшихся в живых немецких евреев

¹ НА РБ. Ф. 4683. Оп. 3. Д. 960. Л. 80—81.

доктор Карл Левенштайн. В связи с нередкими случаями насилия и несправедливых решений в отношении узников зондергетто он поставил перед собой задачу — сформировать оперативную охрану, которая бы следила за порядком. Поэтому Левенштайн подобрал добровольцев из бывших участников Первой мировой войны от рядового до капитана, имевших уже некоторый опыт наведения порядка. Эти люди должны были защитить обитателей зондергетто от мародеров, грабителей и насильников. С этой целью были созданы посты, в которые входило не менее 3 человек. Несмотря на то, что ночью было довольно опасно, «постовые» продолжали добровольно нести службу. В интересах собственной безопасности члены охраны ввели пароли и вооружились палками. Чтобы содержать пешеходные дорожки в хорошем состоянии в снежные бури, «постовые» выходили на «вахту» с лопатами. В то же время некоторые узники зондергетто считали подобные мероприятия забавой.

В январе 1942 года узникам этого гетто было приказано собрать теплые вещи для вермахта. Из отчета немецких служб видно, что собрали 329 пальто, 159 пиджаков, 100 меховых шапок, 440 меховых боа.

Немецких евреев, прибывших следующими транспортами после погрома 20 ноября 1941 года, расселили в другой части Минского «русского гетто», получившей название зондергетто № 2. Оно располагалось в районе между улицами Замковой и Димитрова. В некоторых источниках и справочной литературе немецкие части гетто называются также «гамбургским гетто» или «немецким гетто».

Оба зондергетто состояли из четырех лагерей — гамбургского, где содержались евреи из Гамбурга и Франкфурта, берлинского — для евреев из Берлина и Брно, рейнского — для евреев из Дюссельдорфа и Бремена, и венского.

После погрома 28—31 июля 1942 года чудом оставшиеся в живых узники зондергетто № 2 были переведены в зондергетто № 1.

Хотя число бежавших евреев из первого и второго зондергетто несопоставимо с числом бежавших «русских евреев» из Минского гетто, источники говорят и о побегах депортированных иностранных евреев.

Так, немецкий исследователь К. Хеккер сообщает о пяти случаях побегов, из которых только два закончились успешно. Анализируя эти два побега, она отмечает побег депортированного из Брно чешского еврея, который бежал с помощью подпольщиков Минского гетто и присоединился к партизанам, а также побег молодой еврейки из Франкфурта-на-Майне Ильзы Штайн со своим любимым, немецким капитаном Вилли Шульцем. Вместе с группой молодых евреев они летом 1942 года попали в партизанский отряд.

К сожалению, К. Хеккер ошибается. В действительности это побег произошел 30 марта 1943 года. Кроме Ильзы Штайн в группе бежавших на грузовой машине 12 женщин и 13 мужчин из Минского гетто находились две ее сестры 19 и 8 лет.

* * *

Требует дальнейшего изучения вопрос о составе и деятельности юденрата Минского гетто.

К сожалению, до сих пор мы не можем точно назвать третьего председателя юденрата Минского гетто. Так, израильский исследователь Д. Романовский констатирует: «Первым председателем юденрата стал Илья Мушкин. До войны Мушкин был заместителем председателя горпромоторга и беспартийным <...> Вторым председателем юденрата стал Моисей Иоффе (правильно — Иоффе. — Э. И.). Иоффе — юрист, в прошлом представитель вильнюсского завода «Электрит» в Варшаве <...> Иоффе погиб в акции 28.7.1942. (По данным А. Мачиз, это произошло 29 июля 1942 года. — Э. И.). Третий председатель юденрата Заменштейн

(в других свидетельства — Замштейнман) был также выходец из Польши, быв. владелец магазина музыкальных инструментов в Варшаве»¹.

В то же время большой знаток источников, белорусский историк, кандидат исторических наук, лауреат Государственной премии Республики Беларусь Г. Д. Кнатько отмечает: «...С августа 1942 года обязанности председателя юденрата (речь идет о Минском гетто. — Э. И.) исполнял Н. Эпштейн (погиб в 1943 году)»².

Ну, а как быть с Заменштейном?

В марте 1999 года во время пребывания в Израиле автор этих строк встретился с бывшей узницей Минского гетто Серафимой Водзинской. В беседе со мной она вспомнила, что последним председателем юденрата Минского гетто был Заменштейн.

А вот что пишет бывший узник Минского гетто Б. М. Млынский:

«Первым председателем лагерного самоуправления (речь идет о юденрате. — Э. И.) был Иоффе. (Здесь допущена ошибка, так как первым председателем юденрата Минского гетто с июля 1941 до своей гибели в феврале 1942 года был И. Мушкин, и только после его гибели вторым председателем юденрата стал М. Иоффе. — Э. И.)

Последним председателем «юденрат» (правильно — юденрата. — Э. И.) стал наш сосед Замштейнман и зам. начальника Розенблат, а его заместителем Вайнштэйн»³.

Честно говоря, возникает довольно критическое отношение к таким мемуарам, когда их автор путает всем известный факт о первом председателе юденрата Минского гетто И. Мушкине и, возможно, искажает фамилию его последнего председателя.

* * *

Одним из «белых пятен» в истории Минского гетто является роль коллаборационистов в истреблении его узников.

Сложился стереотип, который, к сожалению, часто поддерживают сами бывшие узники: Минское гетто уничтожали немцы, а точнее, гестаповцы, хотя на территории Белоруссии в 1941—1944 годах действовали различные нацистские службы, кроме гестапо. Не оправдывая страшные преступления нацистских палачей, заметим, что значительную роль в геноциде евреев Минска сыграли украинские, литовские, белорусские и русские коллаборационисты. А в охране гетто принимали участие испанские военнослужащие из «Голубой дивизии».

Главной «ударной силой» многих погромов в Минском гетто были украинские и литовские коллаборационисты. Именно украинские полицаи вошли на территорию Минского гетто в 5 часов вечера 6 ноября 1941 года. Рано утром 7 ноября немцы и украинские полицаи оцепили часть гетто, заключенную между улицами Островского и Республиканской, Немигой и Хлебной.

Вот свидетельство Раи Абрамовны Чертовой, пережившей этот погром: «7 ноября 1941 года немцы учинили в гетто еврейский погром. Утром гетто было оцеплено усиленным нарядом полицейских и гитлеровцев, полицейских солдат украинской добровольческой армии. Погромщики хватили первых встречных. Независимо от возраста и пола. В том числе стариков и детей. Тех, кто не мог двигаться, убивали на месте. Других погужали в машины и увозили неизвестно

¹ Холокост на территории СССР: Энциклопедия. М., 2009.

² Кнатько Г. Д. Гибель минского гетто. Мн., 1999. С. 7.

³ Млынский Б. М. Границы жизни времен Катастрофы. 1998.

куда. Самых маленьких детей разрывали на части, взяв этих крошек за ножки. Я спряталась на чердак и так избежала смерти»¹.

Как запомнила узница Минского гетто Хана Израилевна Рубинчик, в погроме 7 ноября 1941 года кроме немцев и украинских полицейских приняли участие и литовские полицейские.

Каунасская команда СД появилась в Минске вскоре после захвата города гитлеровцами. А с осени 1941 года присутствие литовских полицейских в Минске стало постоянным. Так, первым из Каунаса в Минск прибыл 2-й Литовский охранный батальон (с 6 ноября 1941 года — 12-й) под командованием майора А. Импулявичюса в составе 23 офицеров, 464 унтер-офицеров и рядовых. Его действия усиливал сформированный в Каунасе 11-й литовский батальон.

В погроме 7—8 ноября участвовали и белорусские полицейские.

Вот что вспоминал Яков Гринштейн: «Страшную резню пережили евреи 7 ноября 1941 года, в 24-ю годовщину Октябрьской революции. Двое суток подряд бесчинствовали в гетто немцы и украинцы, а также белорусская городская полиция. Они стреляли и убивали. Тысячи евреев были вывезены за пределы города и расстреляны...»

В этих же воспоминаниях Я. Гринштейн отмечал, что 2 марта 1942 года погромщиками стали эсэсовцы и украинцы.

Самым страшным погромом в Минском гетто был погром 28—31 июля 1942 года, жертвами которого стали от 10 тысяч до 12 тысяч узников гетто. Анализ многочисленных источников свидетельствует, что его проводили, главным образом, белорусские и литовские полицейские.

По воспоминаниям одного из руководителей антифашистского подполья в Минском гетто Гирша Смоляра, следом за черными грузовиками с эсэсовцами и немецкой полицией шли подразделения местной полиции и литовских фашистов.

Последним погромом в Минском гетто, который привел к его полной ликвидации, был погром 21—23 октября 1943 года. В этом финальном истреблении узников Минского гетто самое активное участие приняли белорусские и русские полицейские: командир взвода 3-й роты 11-го полицейского батальона старший лейтенант Емельянов, командир отделения этого батальона Н. Ломакин, рядовые 3-й роты 13-го полицейского батальона П. М. Конон, М. М. Гончаров, рядовые 3-й роты 11-го полицейского батальона В. Ф. Ваховский, М. В. Царик, В. С. Безбородов, А. В. Кулаковский, Сядура, Титов, Чистяков, Шлык.

Приведем фрагменты из протокола допроса Михаила Гончарова, уроженца города Орши Витебской области, от 21 марта 1949 года.

«Припоминаю, что осенью 1943 года я принимал участие в ликвидации еврейского гетто в городе Минске и массовом уничтожении советских граждан еврейской национальности:

Вопрос: В чем заключалось ваше участие в совершении этого злодеяния?

Ответ: Как-то ночью личный состав подразделения Краузе (Краузе — командир 11-го полицейского батальона. — Э. И.), в том числе и я, был поднят по тревоге из Пушкинских казарм, в которых мы размещались, направлен в центр города Минска, где на территории нескольких кварталов находилось еврейское гетто. По прибытии на место лейтенант Емельянов приказал мне и другим солдатам оцепить гетто со стороны кладбища и никого не впускать и не выпускать из гетто, а в случае попыток евреев бежать из гетто стрелять в них. Примерно в течение суток я стоял на посту в оцеплении. За это время я и другие солдаты неоднократно открывали стрельбу из карабинов по окнам домов, в которых жили евреи, целясь при этом в пустую посуду на окнах и бутылки. На рассвете началась операция по вылавливанию и отправке на автомашинах к месту казни

¹ ЦА КГБ РБ. Гр. 3. Оп. 2. Л. 1.

мужчин и женщин, стариков и детей, проживавших в гетто... Однако после нашего возвращения кто-то, видимо, Крылов (один из солдат 11-го полицейского батальона. — Э. И.), сказал капралу Мишукову Евгению, что в подвале за стеной есть люди, которые не хотят показываться. И он пошел к подвалу с гранатой. После взрыва гранаты, брошенной Мишуковым, из подвала вылезли девять человек евреев. Мишуков обыскал их и отвел в центр гетто, где их погрузили на автомашину и оттуда увезли на расстрел.

...К вечеру меня и других солдат сняли с оцепления и направили на место расстрела, примерно за 10—15 километров от города Минска (речь идет о Тростенском лагере смерти. — Э. И.). Расстрел евреев производили специальные палачи, а я и мои сослуживцы из подразделения Краузе стояли в оцеплении места расстрела. Это продолжалось несколько суток... Всего там было расстреляно, видимо, около пяти тысяч человек...»¹.

Капрал 3-й роты 11-го полицейского батальона Е. В. Мишуков на допросе в 1974 году показал: «...В то время (речь идет об октябре 1943 года. — Э. И.), когда в Тростенце производился массовый расстрел граждан еврейской национальности, то в Тростенце из нашей 3-й роты было примерно 50—60 полицейских. Там же были и каратели из других подразделений, но из каких именно, я не знаю»².

Среди активных участников ликвидации Минского гетто в октябре 1943 года были полицейские 26-го полка, которые служили в то время в Белостоке, но вызвались уничтожать узников Минского гетто добровольно, без всякого приказа и принуждения. В Национальном архиве Республики Беларусь хранятся протоколы допросов военнопленного Освальда Линда, которые относятся к апрелю 1945-го — октябрю 1949 года.

В протоколе допроса Освальда Линда об уничтожении узников Минского гетто от 13 апреля 1945 года есть такие строки:

«Вопрос: Какую задачу выполнял 26-й полицейский полк на Восточном фронте?»

Ответ: 26-й полицейский полк вел борьбу против красных партизан. Мы действовали в разных местах... В августе 1943 года наш полк действовал в районе окрестностей и в самом городе Белостоке по ликвидации гетто. В октябре 1943 года группа из 15 человек из нашего полка изъявила желание добровольно действовать по ликвидации еврейского гетто в г. Минске. Участником этой группы был и я. Мы были прикомандированы к батальону белорусов-добровольцев, задача которого состояла в оцеплении еврейского гетто. В Минске мы находились 6 недель под руководством командования СД. После нас обратно отправили в 26-й полицейский полк. Находясь в Минске, мы были размещены в казармах вместе с белорусами, но у нас были отдельные комнаты, где находились одни немцы, русский язык я не знаю. А потому фамилии белорусов мне неизвестны.

Вопрос: Чем вы были вооружены, когда находились в батальоне белорусов-добровольцев по оцеплению гетто?

Ответ: Я был вооружен винтовкой, и вся наша группа 15 человек немцев также винтовками, а белорусы-добровольцы имели пулеметы — и ручные, и станковые...»³.

Как говорится, в семье не без урода. Находились пособники нацистов и среди евреев — узников Минского гетто, среди членов юденрата Минского гетто, среди служащих еврейской службы порядка и «еврейской полиции» и даже среди,

¹ ЦА КГБ РБ. Д. 5539. Т. 3. Л. 183—186.

² ЦА КГБ РБ. Д. 26571. Т. 2. Л. 78—86.

³ НА РБ. Ф. 1363. Оп. 1. Д. 1527. Л. 8.

как говорится, рядовых узников гетто были завербованные СД активные пособники нацистов.

Немцы не доверяли юденрату и назначили туда двух действительно преданных им людей, выходцев из Польши, которые не были связаны с минскими евреями. Наум Эпштейн, назначенный в разное время на посты руководителя биржи труда, начальника еврейской полиции, исполняющего обязанности главы юденрата, и Вайнштейн, возглавивший одно время биржу труда, были садистами и обращались с узниками гетто так же жестоко, как и немцы. Не отставал от них бывший уголовник Хаим Розенблат.

Эпштейн и Вайнштейн были беженцами из Лодзи, а Розенблат — беженцем 1939 года из Варшавы.

Первой горькую правду о еврейских коллаборационистах в декабре 1943 года обнародовала Анна Мачиз. В декабре 1943 года в Налибокской пуще в своих воспоминаниях она писала: «Беря людей к себе на службу, Рыббе (правильно — Адольф Рюбе, комендант Минского гетто. — Э. И.) никем не брезговал: начальником еврейской милиции был назначен известный варшавский вор, пьяница и развратник Ефим Розенблат, верой и правдой служивший немецкому фашизму. На его совести было немало кровавых дел. Как собака, шпионил он за евреями, прислушиваясь к каждому шепоту и каждому движению. Он вместе с Рыббе занимался «искоренением большевистской заразы», выдавал коммунистов, людей, связанных с подпольной партийной организацией, с партизанским движением.

Рыббе был недоволен Розенблатом, он решил убрать его с дороги, заменить другим, более способным шпионом. Слишком много знал Розенблат, оттого был лишним свидетелем. Рыббе сделал замечание Розенблату за недостаточное количество выловленных им партизан. На это Розенблат в присутствии работников юденрата ответил: «Есть, господин гауптфюрер. Я буду лучше работать, но у меня есть большие заслуги в деле борьбы с партизанами. О них знает г. Гаттенбах, спросите его». Но ему ничто не помогло. В феврале (1943 года. — Э. И.) Розенблат был арестован Рыббе прямо на улице, отправлен в тюрьму и там расстрелян. Розенблат продался фашистам и пал от их рук.

Начальником еврейской милиции был назначен по совместительству заведующий еврейской биржей труда Наум Эпштейн. По этому поводу Рыббе сказал: «Ему гестапо доверяет больше, чем другим». Гестапо знало, кому доверяло. Оно знало, что Эпштейн давно продался немцам за бутылку вина, за масло и сало, за хорошую жизнь, за то, чтобы иметь возможность бесконтрольно грабить своих же братьев. Этот негодяй оптом и в розницу продавал свой народ. Он заставлял своих милиционеров шпионить за людьми, доносить ему о малейших нарушениях. В свою очередь, об этом он докладывал Миллеру, и после таких докладов исчезали лучшие люди гетто, преданные делу партии большевиков...

Оказанным доверием Эпштейн гордился. Выбор гестапо был верен. Зверь в этот вечер продал еще 140 человек. В этот же страшный вечер 19 февраля 1943 года Эпштейн не ложился спать. Он ждал «новостей». В 23 часа в гетто въехала грузовая машина с работниками гестапо. Захватив с собой Эпштейна, она направилась к дому № 48 по улице Обувной. Не успели люди выглянуть из окон, как дом был окружен со всех сторон. Людей выводили на улицу и строили по одному в ряд; крики детей заглушили пулемет. 140 человек были убиты. Спокойно взирал Эпштейн на груду трупов. Свои же милиционеры оттащили трупы на кладбище. Долго видны были лужи человеческой крови на улице Обувной¹.

¹ ЦА КГБ РБ. Ф. 40. Оп. 2. Гр. 3.

Гирш Смоляр отмечал: «...Гестапо создало свой «Еврейский комитет» — так называемую оперативную группу. Формально она входила в структуру еврейской полиции, но в действительности взяла под контроль юденрат, биржу труда и другие геттовские учреждения. Во главе «Оперативной группы» немцы поставили несколько очень презрительных типов. Совсем неизвестных в Минске, где они оказались вместе с беженцами из Польши. Геттовцы изо всех сил старались не попадаться на глаза главному информатору «оперативнику» Розенблату. Мы вскоре узнали, что он был известным в уголовных кругах Варшавы вором и сутенером. По существу тем же самым он стал заниматься в Минском гетто: шантаж, грабежи, ежедневные угрозы донести на людей в гестапо (в случае, если те начнут жаловаться, скажем, юденрату) — другого от Розенבלата не ждали»¹.

Именно эти пособники выдали СД ряд подпольщиков, в том числе Эмму Родову (ее поймал и передал немцам Розенблат. — Э. И.) и Нонку Маркевича. Руководители подполья гетто Михаил Гебелев, Гирш Смоляр, командир партизанского отряда имени Буденного Семен Ганзенко дали указание уничтожать предателей, которых Смоляр называл «оперативниками».

Приказ партизанского командира Семена Ганзенко был выполнен. Подпольщикам удалось заманить в лес группу «оперативников» — кровавого пса «Элинку» Гинзбурга, Мулю Кагана, Мирру Маркман. Приговор народа был справедлив. Предатели были казнены.

Еще одна группа «оперативников» (Мейер Сегалович, его сын, Рубин и другие) также была подготовлена к отправке в лес. Один из них, Берковский, донес в СД. Сотрудники СД окружили двор, где они находились, и открыли стрельбу. Один из подпольщиков успел выстрелить в Берковского. В результате все, кроме Сегаловича, были убиты. Сегалович был казнен позднее по приговору партизанского суда.

* * *

Нацисты хотели поставить узников Минского гетто на колени. Но несмотря на жесточайший террор и проведение политики поголовного геноцида еврейского населения, узники этого гетто с первых недель его создания и вплоть до ликвидации вели тяжелую, неравную и героическую борьбу с врагом.

Первыми подпольщиками стали Яков Киркаешто, Натан Вайнгауз, Гирш Смоляр, Мейер Фельдман, Борис Хаймович, Исай (Евсей) Шнитман.

Первая подпольная организация сопротивления узников Минского гетто возникла через две недели после фактического создания этого гетто — в середине августа 1941 года. На ее первом или учредительном собрании 17 августа на квартире по улице Островского присутствовали бывшие участники коммунистического подполья в Польше и Румынии Яков Киркаешто, Гирш Смоляр, Мейер Фельдман и партийные активисты КП(б)Б из Минска — Борис Хаймович, Натан Вайнгауз, Исай Шнитман. Эта организация поставила перед собой такие задачи: вывод боеспособной части населения гетто в леса для вступления в партизанские группы и отряды, налаживание связи с городским антифашистским подпольем, распространение сведений о положении на фронтах.

Вторая подпольная организация узников Минского гетто была создана во второй половине августа 1941 года пятнадцатью минскими коммунистами, собравшимися по улице Республиканской, 46, хорошо знавшими друг друга, но не имевшими опыта подпольной деятельности. Во главе этой группы или организации стоял минчанин Наум Фельдман. Ее участники приняли два решения: создать типографию и выпускать пропагандистские листовки, а также собирать

¹ Смоляр Г. Менское гета. Минск, 2002.

Семья активного подпольщика Минского гетто В. Лосика.

оружие, одежду и медикаменты для выхода в лес и при первой возможности вступить в ряды партизан.

Соединение двух подпольных групп в единую подпольную антифашистскую организацию Минского гетто произошло только в конце октября 1941 года. А в ноябре 1941 года эта организация стала составной частью Минского городского подполья.

Во главе с секретарем Тельмановского подпольного райкома КП(б) г. Минска Михаилом Гебелевым активную работу в партийном и комсомольском подполье вели Матвей Пруслин, Мейер Фельдман, Наум Фельдман, Зяма Окунь, Эмма Родова, Надя Шуссер, Елена Майзлес, Роза Липская, Вульф Лосик, Григорий Рубин, Нина Лисс.

С подпольем гетто держал тесную связь секретарь (по другим данным — член) Минского подпольного горкома партии Исая Казинец, удостоенный посмертно высокого звания Герой Советского Союза.

Сегодня это удивительно, что, спасаясь от СД, многие руководители городского подполья Минска скрывались — где бы вы думали? — в гетто. Так, Михаил Гебелев привез 10 коммунистов из «русского» района и прятал их в «малинах» гетто по еврейским паспортам.

Давно настала пора развеять миф о том, что узники Минского, как и других гетто Белоруссии, шли на смерть, будто покорные овцы. Нет, они сражались, не жалея жизни в борьбе со своими палачами. Несмотря на жестокий террор и ежедневные убийства, узники Минского гетто вступили в неравную схватку с врагом, прекрасно понимая, что смерть ждет их на каждом шагу. Они ясно осознавали, что конец гетто может наступить в любую минуту.

Белорусский ученый-историк Анна Купреева еще в 1993 году, накануне 50-летия со дня гибели Минского гетто отмечала:

«...До настоящего времени замалчивается правда о Минском еврейском гетто: там именно разгорались первые искры подпольной борьбы. В Минском гетто находилось 50 % жителей Минска.

Организация подполья в условиях гетто являлась трудной задачей: в концентрационном лагере было много провокаторов, ограниченная свобода передвижения, постоянные облавы, погромы.

Несмотря на все сложности, с момента создания гетто на его территории начало действовать подполье...

Минское гетто просуществовало около 800 дней. Почти столько же в этом лагере смерти за колючей проволокой патриоты вели мужественную борьбу с оккупантами¹.

К настоящему времени в периодической печати, в энциклопедических изданиях, в официальной исторической литературе помещены сотни публикаций об истории Минского антифашистского подполья. К сожалению, никто из авторов этих работ не акцентирует внимание читателей на том, что бороться с нацистами и их пособниками подпольщикам Минского гетто было несравненно труднее, чем в условиях городского подполья, или как говорилось тогда — подполья в «русском» районе.

Объясняется это тем, что оккупанты ввели круговую поруку. В апреле—мае 1942 года дома были заново пронумерованы. Узники гетто обязывались получить в юденрате белую нашивку с номером дома, а на домах указывалось количество жильцов. Кроме постоянных опознавательных знаков (желтой латки с шестиконечной звездой) каждому жителю дома, квартиры были присвоены индивидуальные номера, которые надлежало носить ниже желтой латки. Немцы устраивали рейды: если в каком-либо доме не хватало одного жильца или оказывался обладатель другого номера — расстреливали всех. Таким образом, если кто-нибудь исчезал, то уничтожались все жители дома или квартиры. По воскресеньям на Юбилейной площади стали устраиваться переклички (аппели). Это накладывало особую ответственность за каждый шаг, за каждое действие подпольщиков.

Позже, когда подпольная организация гетто начала отправлять узников в партизанские отряды, СД установило круговую поруку: если из рабочей колонны исчезал человек, ночью уничтожали всех членов его семьи и соседей. Пришлось искать выход. Врачи подготавливали справки, в которых указывалось, отчего умер больной, и передавали их заведующему жилищным отделом юденрата Дольскому, связанному с подпольем. В жилотделе вписывали в эти справки фамилии людей, уходящих в партизанские отряды или перешедших на нелегальное положение, и вычеркивали их из книги учета. А иногда просто уничтожались регистрационные карточки тех, кто уходил в лес.

По подсчетам автора этих строк, которые следует считать неполными, в Минском гетто за весь период его существования действовало более 400 подпольщиков.

В 1941—1943 годах в Минском гетто существовали 22 подпольные группы, точнее, 12 «десяток» и 10 подпольных групп, действовала подпольная типография во главе с М. Б. Чипчиным, издавался подпольный листок «Вестник Родины». Кроме того, Борис Пупко и Броня Гофман приняли активное участие в выпуске подпольной газеты «Звезда».

* * *

К сожалению, до сих пор, несмотря на множество публикаций о подполье Минского гетто, крайне недостаточно изложены важнейшие биографические данные двух самых ярких и известных руководителей патриотического, анти-

¹ Купрзева Г. Минское гета: схаваная праўда // Беларуская мінуўшчына. 1993. № 2. С. 46—51; № 3—4. С. 62—67.

фашистского подполья в этом гетто — Гирша Смоляра и Михаила Гебелева, не говоря уже об их научной биографии.

В 1992 году вышла в свет книга белорусского историка, кандидата исторических наук (в годы Великой Отечественной войны заместителя командира Борисовско-Бегомльского партизанского соединения) Константина Доморада «Партийное подполье и партизанское движение в Минской области. 1941—1944». В этой книге есть следующие строки:

«Не был Г. Смоляр и «героем подполья», каким обрисовал себя в некоторых своих публикациях и каким запечатлен в так называемых «протоколах «дошпаркома», где он упоминается (под псевдонимами) четыре раза. Г. Смоляр оказался в гетто, по-видимому, не столько для организации борьбы против оккупантов и спасения населения, сколько для личного обогащения, вымогательства у своих сородичей с помощью членов юденрата драгоценностей (золота, американских долларов и т. п.) под благовидным предлогом оказания им помощи в освобождении из гетто»¹.

Еще в начале 1995 года видный белорусский ученый-историк, бывший директор Института истории партии при ЦК КПБ, доктор исторических наук, профессор Ростислав Петрович Платонов писал о Смоляре:

«...Став затем гражданином ПНР, выехал в период гомулковской «охоты на ведьм» 1968 года в командировку в Париж и назад в Польшу не возвратился, поселившись в Израиле. Оставаясь польским гражданином, принял израильское гражданство. С этого времени к нему приклеился ярлык «сиониста», посыпались обвинения в предательстве идеалам, были даже намеки на то, что и в геттовском подполье он появился с «нечистыми целями». Интересно отметить следующее. Несмотря на то, что имя Смоляра как участника подпольной борьбы в Минске упоминается в публикациях конца 50—90-х годов, даже в исторической справке Института истории партии при ЦК КПБ и истории АН БССР «О партийном подполье в Минске в годы Великой Отечественной войны», утвержденной ЦК КПБ; в многосерийном фильме «Руины стреляют в упор» он показан как видный руководитель подполья в гетто, фамилию этого человека вы не найдете в официальных списках минских подпольщиков»².

Через 68 лет после Великой Отечественной войны пора внести ясность в описание жизни и деятельности профессионального революционера, еврейского общественного деятеля и публициста, одного из первых подпольщиков Минска, одного из первых организаторов Минского антифашистского подполья, комиссара партизанского отряда им. С. Лазо, автора всемирно известной книги «Мстители гетто», прообраза литературных героев документальной повести Ивана Новикова «Руины стреляют в упор» и романа Владимира Карпова «Немиги кровавые берега» Гирша Смоляра.

Гирш (в некоторых вариантах своей автобиографии он называет себя Гершем. — Э. И.) Давидович Смоляр родился в городе Замброве Ломжинской губернии (ныне Республика Польша) 4 августа 1905 года, хотя на его могиле в Израиле выгравирована дата рождения — 15 апреля 1905 года. — Э. И.). Отец Гирша — Давид Смоляр был однокурсником великого еврейского поэта Хаима Нахмана Бялика по Воложинской иешиве. Родной брат Гирша — Натан, погибший в 1943 году в Варшавском гетто, был видным деятелем просвещения на идиш и активистом партии Поалей Цион.

В 1924 году Гирш Смоляр переезжает в Москву и изучает политические науки и литературу в Коммунистическом университете национальных

¹ Доморад К. И. Партийное подполье и партизанское движение в Минской области. 1941—1944. Мн., 1992.

² Польша. 1995. № 6. С. 208.

Гирш Смоляр.

меньшинств Запада. С 1925 года ректором этого университета была уроженка Минска, государственный деятель БССР и СССР Мария Яковлевна Фрумкина (партийный псевдоним Эстер) (1880—1943). Встречи и общение с ней оказали благотворное влияние на формирование мировоззрения Гирша Смоляра.

Знакомство с документами личного дела Г. Д. Смоляра, хранящегося в Национальном архиве Республики Беларусь, наглядно свидетельствуют, что в 1928 году после окончания Коммунистического университета национальных меньшинств Запада 23-летний Гирш по заданию Коммунистического Интернационала нелегально вернулся в Польшу для подпольной работы. Он жил Варшаве, Белостоке, Лодзи, Вильно, выполняя ответственные партийные задания. Смоляр был несколько раз арестован, шесть лет находился в польской тюрьме, причем три года в одиночной камере.

Активист и функционер комсомольских организаций, член КП(б)Б с 1925 года, член КПЗБ, секретарь окружкомов партии

в Слониме и Белостоке, член Центральной редакции КПЗБ Смоляр был авторитетным деятелем партийного подполья Западной Беларуси.

Руководство Компартии Западной Беларуси доверило ему редактирование нелегального журнала на идиш «Ди ройте фон», который издавался в Белостоке и Вильно. В 1935—1936 годах Смоляр был сотрудником газеты «Вильнер тог», а затем редактором подпольного тюремного журнала «Кратес», который выходил на четырех языках — идиш, польском, белорусском и литовском.

Деятельность Смоляра в Западной Беларуси высоко оценивали многие видные подпольщики, в том числе такие писатели, как Максим Танк и Пилип Пестрак, о нем очень тепло пишет в своих воспоминаниях народный писатель Беларуси Янка Брыль.

В беседе с автором этих строк Максим Танк, который был активным участником партийного подполья в Западной Беларуси, отметил: «Смоляр был талантливым журналистом и редактором, одним из лучших публицистов Компартии Западной Беларуси. Это был опытный и авторитетный партийный работник. В некотором смысле, особенно по части конспирации, я могу считать Григория Давидовича своим учителем».

После того, как в сентябре 1939 года город Белосток оказался в составе территории БССР, Гирш Смоляр становится ответственным секретарем Белостокского отделения Союза советских писателей БССР.

Самым тяжелым и вместе с тем самым ярким периодом жизни Смоляра стал период 1941—1942 годов, когда он стоял у самых истоков возникновения антифашистского подполья в Минске.

В апреле 2005 года в Минске вышла в свет 4-я книга историко-документальной хроники Минска «Памяць. Мінск», которая рассказывает о жизни города в годы Великой Отечественной войны и насчитывает 912 страниц. Раздел «Антифашистское подполье» насчитывает 133 страницы. Но вы напрасно будете искать в нем, как и во всей книге, фамилию Смоляр. Она отсутствует...

Но ведь не вызывающие сомнения в их подлинности документы из фондов Национального архива Республики Беларусь убедительно свидетельствуют, что антифашистское подполье создается сразу же после создания гетто в Минске в августе 1941 года и в том же месяце в Минском гетто был создан организационный центр партийного антифашистского подполья, одним из фактических руководителей которого стал Смоляр.

В знаменитой «Черной книге», которая готовилась к изданию в 1944—1946 годах, но вышла значительно позже, есть такие строки: «Уполномоченным ЦК партии по гетто был секретарь партгруппы гетто Смоляр, живший в гетто под фамилией Смоляревич (на самом деле Ефим Столяревич. — Э. И.), парткличка Скромный. Штаб-квартирой была кочегарка еврейской больницы, где работал Смоляр. Сюда приходили коммунисты, обсуждали и решали самые важные вопросы»¹.

В действительности такой должности или поста не существовало. Подполье в Минском гетто было создано по личной инициативе группы патриотов еще до создания Минского подпольного горкома партии в силу сложившихся обстоятельств.

Вступительная статья, подготовка к печати и комментарии к материалам об истории Минского гетто в журнале «Польмя» принадлежали перу профессора Р. П. Платонова и автора этих строк. Именно мы впервые опубликовали рукопись очерка-отчета Смоляра, написанного, скорее всего, зимой 1945 года, еще до выхода в свет книги «Мстители гетто». Материал этот был передан автором в ЦК КП(б) Б, предположительно, заведующему оргинструкторским отделом В. И. Закурдаеву, который затем направил его в партийный архив. Этот текст хранится теперь в Национальном архиве Республики Беларусь.

Вспоминая события августа 1941 года, Гирш Смоляр пишет:

«...В поисках друзей-товарищей я встретился со знакомыми коммунистами: Я. Киркаешто — бывшим заведующим отделом пропаганды Белостокского горкома КП(б) Б; Н. Вайнгаузом — работником управления по делам искусств при СНК БССР; М. Фельдманом — начальником отдела кадров 2-го Белостокского текстильного комбината; Х. Александровичем — директором кожевенного завода в Гродно; писателем Г. Добиним; Евсеем Шнитманом и Хаймовичем — директорами текстильных фабрик в Белостоке. В беседах с этими товарищами мы пришли к выводу, что нам как коммунистам необходимо начинать организацию противодействия мероприятиям оккупантов.

Как это сделать? Чтобы решить этот вопрос, мы в конце июля 1941 года (архивные документы свидетельствуют, что это произошло в начале августа. — Э. И.) собрались на квартире бывшей сотрудницы военного учреждения, жительницы Ленинграда Сони Певцовой-Рывкиной на улице Раковской, № 51. На совещании из вышеназванных товарищей отсутствовали тт. Вайнгауз, который прятался, потому что в минском гетто его все знали, Добин, который в то время работал сапожником в какой-то немецкой мастерской, и Александрович.

На совещании докладывал я, по договоренности с т. Киркаешто, о моем опыте подпольной работы и о ближайших задачах. Основными задачами были поставлены:

1) начать широкую агитмассовую работу по освещению действительного положения на фронте в противовес немецкой лжи;

2) создать оргцентр для сплочения всех преданных делу партии, для ведения борьбы против немецкой оккупации»².

Гирш Смоляр отмечает, что оргцентр состоял из Я. Киркаешто, Н. Вайнгауза и Г. Смоляра. Функции между членами оргцентра были распределены таким

¹ Черная книга. Ч. I. Сост. В. Гроссман, И. Эренбург. Запорожье, 1991.

² Польмя. 1995. № 6. С. 212—213.

образом: Смоляр был секретарем оргцентра, Вайнгауз — ответственный за агитмассовую работу; Киркаешто налаживает нелегальный партийный аппарат. Кроме того, Столер (Столяревич) организует подпольные группы и устанавливает связь с «русским районом». Он также поддерживал связь с руководителем комсомольско-молодежного подполья Эммой Родовой, которая выполняла его указания.

Именно опытный подпольщик Смоляр поддержал идею строить подполье в Минском гетто на основе отдельных групп из десяти человек — «десяток». Он сам возглавил первую «десятку».

Гирш Давидович был инициатором установления связи антифашистского подполья с партизанскими отрядами, которые начали формироваться на Минщине. Он вспоминал: «В это же время, в конце июля (архивные документы свидетельствуют, что происходило в начале августа 1941 года. — Э. И.), мы начали прилагать усилия по налаживанию связи с первыми партизанскими отрядами...»¹

Юденрат Минского гетто с первых же дней своего существования был тесно связан с антифашистским подпольем в гетто, и в первую очередь с его руководителями Гебелевым и Смоляром. Глава юденрата Илья Мушкин часто встречался с Гиршем Смоляром. Тот сумел убедить членов юденрата в необходимости выполнения решений подпольного штаба гетто.

В начале мая 1942 года в Минске были созданы пять подпольных райкомов партии. Один из них — Тельмановский (или райком гетто), который охватывал район гетто, возглавил Михаил Гебелев. В его состав входили Г. Смоляр (май—июль 1942 года), Г. Рубин (май—июль 1942 года), А. Налибоцкий — июнь 1942 года, С. Каждан — июль 1942 года.

Гебелев и Смоляр были не только организаторами ухода многих узников гетто в партизанские отряды, но и способствовали организации ряда партизанских отрядов на базе узников Минского гетто.

В книге Давида Гая «Десятый круг. Жизнь, борьба и гибель Минского гетто» есть строки о человеческих качествах одного из руководителей геттовского подполья: «Григорий Смоляр. Журналист, умница, проникательный, всему знающий цену. И как мало заботился о себе... Иногда товарищи чуть ли не силой засовывали ему в карман кусок хлеба — ведь он тоже голодал. А Гирш отдавал первому встретившемуся ребенку. Редко какую ночь он проводил в одном месте. В котельной больницы была его явочная квартира. Относительно безопасная: немцы панически боялись заразы и туда нос не совали».

В августе 1942 года Гирш Смоляр получил разрешение руководства антифашистского подполья города покинуть Минск.

Вначале он был партизаном отряда им. М. Фрунзе, затем — отряда им. Ф. Дзержинского 18-й партизанской бригады им. М. Фрунзе.

В заявлении от 1 августа 1944 года о восстановлении его в правах члена ВКП(б) Смоляр писал:

«Очувтившись во вражеском тылу, я приступил, вместе с группой членов партии, знавших меня в прошлом, к созданию подпольной парторганизации в Минском гетто. Нашим делом была отправка людей в партизанские отряды, обеспечение их оружием и боеприпасами, создание новых партизанских отрядов. Действовал я подпольно до августа 1942 г. под кличкой «Столяревич», «Скромный».

В октябре 1942 г., когда преследование гестапо не дало мне возможности больше оставаться в городе, я отправился вместе с группой товарищей в лес, создали отряд им. Дзержинского (в Дзержинском районе), который вошел в состав брига-

¹ Полымя. 1995. № 6. С. 213.

ды им. Фрунзе. В качестве командира отделения и политработника я участвовал в боях и подрывах около Нивеличи, Старинки, Волмянского хутора, Перстыток и др., будучи неоднократно отмечен в приказах командования.

В районе деревень Плоское—Александрово (Узденские леса), когда вся бригада очутилась в кольце наступающих немцев, мое отделение, бывшее в засаде, первое приняло на себя огонь противника, дав этим всей бригаде достаточно срока для перехода на более удобные позиции...

В 1943 г. я участвовал в боях в Заславском и Ивенецком районах и с августа 1943 г. был переведен на работу в подпольной печати (сначала в Ивенецком межрайцентре, а с ноября 1943 г. до соединения с Красной Армией — в Столбцовском межрайцентре...

За время Отечественной войны я награжден медалью «Партизану Отечественной войны» I степени и представлен к награждению орденом Красной Звезды¹.

С декабря 1942 года Смоляр являлся комиссаром партизанского отряда им. С. Лазо, который был рассеян во время вражеской блокады в феврале 1943 года.

В его деле имеется справка от 25 июля 1944 года, подписанная начальником отдела кадров Белорусского штаба партизанского движения Борисовым, в которой говорится, что Смоляр Г. Д. действительно состоял в партизанском отряде Столбцовского межрайцентра с 17 октября 1943 года до 25 июля 1944 года в должности редактора районной газеты.

Немногочисленных клеветников биографии Смоляра хочется познакомить со справкой, подписанной помощником Уполномоченного ЦК КП(б)Б и Белорусского штаба партизанского движения по Барановичской области, Героем Советского Союза В. Царюком в 1944 году. Приведем фрагменты этого документа:

«Тов. Смоляр Григорий Давидович был в октябре 1943 года командирован Барановичским областным центром партизанского движения в распоряжение Столбцовского Межрайцентра для организации подпольных печатных изданий Межрайцентра. На этой работе до дня соединения с Красной Армией тов. Смоляр Г. Д. проявил себя как преданный и энергичный организатор, принципиально выдержанный, стремящийся к тому, чтобы большевистское слово в условиях подполья дошло до широких масс народа и мобилизовало их на борьбу с немецкими захватчиками.

Кроме редактирования и регулярного издания газеты «Голас селяніна» и ряда листовок, воззваний и т. п. тов. Смоляр непосредственно участвовал в организации и редактировании газет: «Сцяг свабоды» — орган Мирского РК КП(б)Б, «Перамога» — орган Новомышского РК КП(б)Б, «Чырвоны партызан» — Кореличского РК КП(б)Б, «Партызан Беларусі» — орган Городищенского РК КП(б)Б и «Партызанскае жыгала» — сатирическое межрайонное издание. Своим знанием газетного дела и политическим развитием тов. Смоляр помог в деле выращивания кадров подпольной партийной печати...»².

Как представители Столбцовского межрайонного партизанского центра Ефим Столяревич (Гирш Смоляр) и молодой партизан, будущий народный писатель Беларуси Янка Брыль участвовали в партизанском Параде Победы, который состоялся в Минске на ипподроме почти через две недели после освобождения города — 16 июля 1944 года. Об этом и плодотворной деятельности Г. Смоляра в подпольной партизанской печати рассказал автору этих строк Янка Брыль.

За активное участие в деятельности антифашистского подполья и в партизанском движении Смоляр был награжден орденом Красной Звезды, медалью

¹ НА РБ. Ф. 74. Оп. 54/5. Д. 145. Л. 7—8.

² НА РБ. Ф. 74. Оп. 54/5. Д. 145. Л. 5.

«Партизану Отечественной войны». Кроме этого, он был удостоен польского ордена «Крест Грюнвальда».

На мой взгляд, из книг, изданных Гиршем Давидовичем в израильский период его жизни, наибольшую ценность имеет книга «Минское гетто: Борьба советских евреев-партизан против нацистов», изданная на английском языке в Нью-Йорке в 1989 году — за четыре года до его смерти. Она была переведена на белорусский язык и вышла в Минске в 2002 году под названием «Менскае гета».

Г. Д. Смоляра не стало 16 марта 1993 года — на 88-м году жизни.

Тщательное изучение автором этих строк фондов Национального архива Республики Беларусь (в первую очередь личного дела Г. Д. Смоляра), Центрального архива Комитета государственной безопасности Республики Беларусь, Государственного архива Минской области, Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны, интервью автора с рядом активных участников Минского антифашистского подполья, с узниками Минского гетто, с людьми, близко знавшими Гирша Давидовича, и анализ широкого круга источников, изданных в России, ФРГ, Израиле, Польше, США и других странах, показывает, что обвинения К. И. Доморада в адрес Г. Д. Смоляра не соответствуют действительности и искажают историю Минского антифашистского подполья.

Я надеюсь, что его деятельность будет оценена по заслугам, и честное, доброе имя Гирша Давидовича Смоляра заслуженно войдет в энциклопедии и энциклопедические справочники, в школьные и вузовские учебники по истории Беларуси периода Великой Отечественной войны как имя мужественного борца против нацизма.

* * *

В 5-м томе 18-томной Беларускай Энцыклапедыі (Мн., 1997) указано, что Михаил Гебелев был участником Минского патриотического подполья в Великую Отечественную войну. Это неполно и неточно. В действительности он был одним из организаторов и руководителей Минского патриотического подполья в самые тяжелые 1941—1942 годы.

Михаил (Михель) Лейбович Гебелев родился — 15 октября 1905 года в местечке Узляны теперешнего Пуховичского района. С 15-летнего возраста он работает столяром. В 1927—1928 годах Гебелев становится курсантом, а затем командиром отделения 10-го стрелкового полка 4-й дивизии имени Германского пролетариата, которая размещалась в Бобруйске. В 1929—1931 годах он продолжал работать в Московской Краснопресненской стройконторе, на минском заводе «Деревообделочник» и Минской мебельной фабрике.

В 1929 году Михаил Гебелев вступил в Коммунистическую партию. В 1932 году он окончил один курс вечернего комвуза в Минске, а в 1933 году его направили учиться в Республиканскую школу пропагандистов при ЦК Компартии Белоруссии. После окончания этой школы Михаил Львович работал пропагандистом, а затем инструктором Сталинского райкома партии города Минска. Именно на этой работе и застала его Великая Отечественная война.

В первые дни войны Михаил Гебелев был призван на сборный воинский пункт в Уручье. Как вспоминает ветеран Великой Отечественной войны Д. В. Бельник, который в то время вместе с Гебелевым находился в Уручье, Михаил взял с собой все необходимое: краюху хлеба и книги.

Ночью в Уручье проникли вражеские десантники в красноармейской форме. Когда утром положение определилось, был дан приказ идти на Борисов. И тогда Гебелев сказал Бельнику: «Я возвращаюсь в Минск. Партия дала мне задание остаться в Минске».

Гирш Давидович Смоляр и Михаил Львович Гебелев впервые встретились после гибели Я. Киркаешто в сентябре 1941 года на его похоронах. Смоляр предложил Гебелеву не только вступить в подпольную организацию Минского гетто, но и стать одним из ее руководителей. Таким образом, с октября 1941 года в руководящий Оргцентр подпольной партийной организации Минского гетто входили Н. Г. Вайнгауз, М. Л. Гебелев и Г. Д. Смоляр.

Когда 20 ноября 1941 года Нотке Вайнгауз погиб во время погрома, вместо него в Оргцентр ввели бывшего заведующего отделом пропаганды сталинского райкома партии М. М. Пруслина. Итак, с конца ноября 1941 года по март 1942 года руководящий Оргцентр подпольной организации Минского гетто состоял из Гебелева, Смоляра и Пруслина.

Михаил Гебелев.

Подпольными кличками Михаила Гебелева стали Русинов, Фадеев, Бесстрашный Герман, Летучий голландец.

В ноябре 1941 года Михаил Львович принял участие в организации собрания городского подполья в Минске и фактически стал уполномоченным Минского подпольного горкома партии по гетто.

Анализ многочисленных источников свидетельствует, что в городском подполье Гебелев получал задания непосредственно от секретаря подпольного горкома (по другим данным — члена подпольного горкома, одного из руководителей Минского патриотического подполья. — Э. И.) Исая Казинца (Славки), с которым он встречался дважды в месяц.

Именно под руководством Гебелева и Смоляра в гетто были созданы 22 подпольные «десятки» и подпольные группы. Михаил Львович организовывал переброску попавших в плен красноармейцев и командиров Красной Армии к партизанам, создал редакцию подпольной газеты, типографию, организовал прием сводок Совинформбюро.

Через 47 лет после гибели Гебелева его боевой соратник Гирш Смоляр в книге о борьбе советских евреев партизан против нацистов акцентировал внимание читателей на деятельности Михаила Львовича в подполье Минского гетто и всего Минска:

«Насамрэч Міша рабіў надта шмат вылазак. Мы нават часам сварыліся на яго за гэта, досыць сурова каралі і папярэджвалі. Ён цярпліва нас выслухоўваў, апусціўшы долу вочы, зрэдзьчас незадаволена пыхкаў і адмоўчаўся. А потым зноў браўся за старое.

Ягоная сувязная ў «рускай зоне» Клара Жалязняк называла яго Бясстрашным Германам. Аня, другая Мішава сувязная (я не ведаў ейнага прозвішча) ахрысціла яго Лятучым галандцам. Між тым сам ён ніколі не паводзіў сябе так, быццам рабіў штосьці незвычайнае».

После казни детей в детском доме гетто Гебелев организовал переправку еврейских детей в детские дома «русского района». Через городских подпольщиков Василия Сайчика и Захара Гало он добывал паспорта, добывал оружие и медикаменты, руководил отправкой военнопленных и узников гетто в партизанские отряды.

После ареста в конце марта 1942 года руководителей Минского городского патриотического подполья Михаил Гебелев стал одним из главных организаторов и руководителей подпольной работы в Минске.

В начале мая 1942 года на конспиративной квартире Н. П. Дрозда по улице Торговой состоялось совещание 14 подпольщиков города, на котором было решено создать пять подпольных райкомов партии Минска: Ворошиловский, Железнодорожный, Сталинский, Кагановичский и подпольный райком гетто (в ряде документов он проходит под названием «Тельмановский»). Секретарем этого райкома стал Михаил Гебелев, который, таким образом, стал официальным руководителем патриотического, антифашистского подполья Минского гетто. Кроме Гебелева в его состав вошли Г. Смоляр, Г. Рубин, А. Налибоцкий, С. Каждан.

В июле 1942 года во время подготовки к отправлению в партизанский отряд очередной группы военнопленных Михаил Гебелев был арестован.

В Национальном архиве Республики Беларусь хранятся воспоминания одной из самых активных участниц Минского подполья, руководителя подпольной группы Минского гетто по связи с «русским районом» города Хаси Менделевны Пруслиной (подпольные клички Федюк Пелагея Петровна, Полина Петровна). Приведем фрагмент из этого документа:

«...Летом 1942 года подпольной организации гетто был нанесен еще один тяжелый удар. При нелегальном переходе через «границу» (гетто. — Э. И.) был схвачен Михаил Гебелев. Как вели окровавленного, с закрученными назад руками Мишу Гебелева, видела Татьяна Герасименко. Миша Гебелев был главным организатором подполья в гетто и активнейшим работником всего минского подполья. Гебелев был неустойчивым и бесстрашным. Городской подпольный комитет пытался через Сталинский райком спасти Гебелева. Помню, что были добыты ценности, чтобы вырвать его из тюрьмы и организовать побег, когда его поведут на работу. Паспорт у Гебелева был русский на имя Русинова. Николай Герасименко держал с ним систематическую связь через свою жену Татьяну Герасименко, Марию Маерову и Ольгу Ивановскую и др., которые носили ему передачи. В зеленом луке, в лепешках, в хлебе пересылались ему письма. Гебелев писал ответы, пряча их в кантах молочной крынки. Но помочь Гебелеву товарищи не сумели. Вскоре они сами попали в лапы гестапо»¹.

Х. М. Пруслина и редакция энциклопедии «Холокост на территории СССР» (М., 2009), отметившая, что Гебелева «неожиданно перевели из тюрьмы в гестапо», ошибаются. В действительности Гебелева перевели в СД, так как гестапо действовало только на территории Германии.

Долгое время в официальных изданиях не указывался день смерти Михаила Львовича. В таком авторитетном издании, как «Мінскае антыфашысцкае падполле» (Мн., 1995), указано, что Гебелев повешен в минской тюрьме в сентябре 1942 года. Сентярем 1942 года датируется его смерть в краткой биографической справке Ф. Л. Липского, помещенной в 5-м томе Беларускай Энцыклапедыі (Мн., 1997).

Согласно многолетним исследованиям дочери героя Светланы Михайловны Гебелевой, ее отец погиб после зверских пыток 15 августа 1942 года.

Родина не забыла своего отважного сына. Накануне 20-летия Великой Победы над германским нацизмом — в мае 1965 года Михаил Гебелев был посмертно награжден орденом Отечественной войны 2-й степени. Этот орден и фотография героя экспонируются сегодня на одном из стендов Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны. В 2004 году Михаил Львович был посмертно удостоен медали, посвященной 60-летию освобождения Беларуси от немецких оккупантов.

¹ НА РБ. Ф. 4384. Оп. 2. Д. 85.

16 июня 2005 года по инициативе Президента Республики Беларусь исполком Минского горсовета принял решение о переименовании Мебельного переулка в улицу имени Михаила Гебелева.

15 октября 2005 года в торжественной обстановке на доме № 1 улицы имени одного из руководителей антифашистского подполья в Минске в годы Великой Отечественной войны, руководителя подполья в Минском гетто Михаила Львовича Гебелева был установлен мемориальный знак в его честь.

Он отлит из бронзы в круглом барельефе, который по форме напоминает «лагу» — опознавательный знак узника Минского гетто. Под барельефом надпись: «Улица названа в честь одного из организаторов Минского антифашистского подполья, секретаря районной подпольной организации на территории Минского гетто в годы Великой Отечественной войны Михаила Львовича Гебелева. Погиб в 1942 году».

Несмотря на то, что история антифашистского подполья в Минском гетто давно уже стала предметом рассмотрения, информация об особенностях подполья остается «белым пятном», в том числе и по сравнению с подпольем в других гетто Белоруссии и оккупированных нацистами других регионов СССР, а также других странах Европы.

Во-первых, антифашистское подполье в Минске было создано очень оперативно — фактически через две недели после создания гетто и действовало по октябрь 1943 года, то есть до конца его существования. Возникновение Минского городского антифашистского подполья датируется сентябрем 1941 года, а подполья в гетто — серединой августа 1941 года, то есть раньше, чем были созданы подпольные группы в «русском» районе и городское подполье («городской комитет»).

В то же время нельзя согласиться с категорическим утверждением израильского историка Шолома Холявского, что все без исключения руководители подполья были «западниками» (т. е. прибыли в Минск из западных районов СССР и Польши).

Среди первых подпольщиков Минского гетто были уроженцы Минска — бывший директор крупной текстильной фабрики, офицер Красной Армии Борис Хаймович и рабочий-текстильщик Исай Шнитман.

Вспоминая истоки создания подполья в Минском гетто, Гирш Смоляр отмечал: «Такім чынам, нас сабралася пяцёра: два “мінскеры” (Барыс Хаймовіч і Ісай Шнітман), два “заходнікі” (Меер Фельдман і я) і былы партработнік з Беластока, нараджэнец Адэсы Якаў Кіркаешта».

Во-вторых, подполье Минского гетто было однопартийным, или точнее, коммунистическим подпольем. В связи с этим руководителям подполья не пришлось тратить время на преодоление идейных разногласий, как это наблюдалось в Варшавском и других гетто Польши.

В-третьих, антифашистское подполье в Минском гетто действовало в тесном контакте с городским антифашистским подпольем, под руководством городского подпольного комитета. Связь «русского» района Минска с подпольщиками гетто осуществляли И. П. Казинец, Н. Е. Герасименко, М. Б. Осипова, Г. В. Сулова и другие руководители общегородского подполья и подпольных групп. Подпольный горком партии поддерживал регулярные связи с подпольем гетто. В минское гетто периодически прибывал связной комитета, который встречался с руководством подполья гетто. Долгое время связь геттовского подполья с городским подпольем осуществляла руководитель комсомольского подполья Минского гетто Эмма Родова.

В четвертых, наличие самых тесных связей и отношений руководства геттовского антифашистского подполья с юденратом в августе 1941-го — июле 1942 года, когда председателями юденрата являлись Илья Мушкин и Моисей Иоффе, руководителями отделов — Дольский, Гирш Рудицер, Михаил Зоров, а началь-

*«Праведник народов мира»
Мария Калинина.*

ником еврейской «милиции», насчитывавшей 200 человек, — Зяма Серебрянский.

В апреле 2013 года я принял участие в работе Международного «круглого стола» в Исторической мастерской города Минска, посвященного 70-летию восстания в Варшавском гетто. И тогда у ряда участников и слушателей «круглого стола» невольно возник вопрос: «А почему же не произошло восстания в Минском гетто?»

Отвечая на этот вопрос, я акцентировал внимание на следующих моментах.

Руководители антифашистского, патриотического подполья в Минском гетто никогда не ставили вопрос о подготовке к вооруженному восстанию. В книге Гирша Смоляра «Мстители гетто» есть такие строки: «Мы понимали: начать в одной какой-либо части гетто вооруженную борьбу — значит обречь на гибель все население гетто. А конечная наша цель — вывести людей из гетто, чтобы жить, бороться и мстить».

Кроме того, в результате облав на протяжении августа 1941 года нацистам и их пособникам удалось истребить около 5 тысяч узников гетто, то есть значительную часть наиболее молодых, здоровых и боеспособных мужчин Минского гетто.

Еще в июне 1919 года комиссариат по еврейским делам Наркомнаца обнаружил решение о роспуске еврейских общин и потребовал сдать ему их имущество. Это решение сыграло негативную роль в жизни еврейских общин БССР. И, несмотря на наличие представителей различных еврейских политических партий и общественных организаций в составе антифашистского подполья Варшавского гетто, оно оказались более сплоченным, более консолидированным, чем подполье Минского гетто.

Узникам Минского гетто и его подполью противостояли самые сильные и опытные кадры немецких спецслужб, которые имели немалую агентуру в гетто.

Многих читателей интересует вопрос: «Какому количеству узников Минского гетто и зондергетто удалось спастись?»

По мнению Гирша Смоляра, таких было около 10 тысяч человек. По данным израильского историка Д. Романовского, подполье гетто, подпольный горком партии и партизаны сумели вывести из гетто от 6 до 10 тысяч человек. Он высказал предположение, что половина из выведенных дожили до освобождения.

По моим подсчетам, из Минского гетто сбежали от 7 до 8 тысяч узников. Но это не значит, что все они выжили. Сотни узников погибли по дороге из Минского гетто в партизаны, сотни погибли в партизанских отрядах, а десятки погибли по вине антисемитски настроенных партизанских командиров.

Только одному узнику первого зондергетто — Карлу Левенштайну, 1887 года рождения, удалось спастись благодаря знакомству и совместной учебе с Вильгельмом Кубе. Кроме того, он был адъютантом кронпринца, участником Первой мировой войны, морским офицером, берлинским банкиром, членом евангелической христианской партии. После его встречи с генеральным комиссаром генерального округа «Белоруссия» и ходатайства Кубе перед Гитлером

о персональном статусе Карла Левенштайна было получено согласие ведомства Гиммлера на его освобождение из зондергетто. 13 мая 1942 года К. Левенштайн был переведен в Терезиенштадт, где оставался там руководителем охраны лагеря до его освобождения.

Одновременно возникает вопрос: сколько иностранных евреев-узников первого и второго зондергетто и Тростенецкого лагеря смерти осталось в живых?

Если количество спасшихся узников Минского гетто — советских, белорусских, минских евреев исчисляется тысячами, то иностранных евреев — десятками. По неполным данным, число выживших из них составляет около 50 человек.

Так, из эшелона из Гамбурга, прибывшего в Минск 10 ноября 1941 года, выжил всего один человек, из поезда из Дюссельдорфа (15 ноября 1941 года) — 5 человек, из транспорта из Франкфурта-на-Майне (17 ноября 1941 года) — 9, из Берлина (18 ноября 1941 года) — 3, из Брно (21 ноября 1941 года) — 11, из Гамбурга и Бремена (23 ноября 1941 года) — 6 человек¹.

По документам, использованным в исследовании Петры Рентроп, из числа немецких, австрийских и чешских евреев, депортированных в Минск и Малый Тростенец, удалось спастись всего только 75 европейским евреям.

С начала 1990-х годов по настоящее время семь немецких городов (Бремен, Дюссельдорф, Гамбург, Кельн, Бонн, Берлин, Франкфурт-на-Майне), а также австрийская Вена установили на территории бывшего еврейского кладбища в Минске, рядом с Исторической мастерской (ул. Сухая, 25), камни в память о своих еврейских согражданах, погибших в Минском гетто и Тростенецком лагере смерти.

Наличие десятков тысяч коллаборационистов, которые вместе с нацистами осуществляли Холокост, — позор литовского, украинского, белорусского, русского и других народов СССР.

Сегодня можно смело утверждать, что большинство узников Минского гетто, которым удалось бежать из него, обязаны своим спасением местному населению — сотням белорусов, русских, поляков, украинцев, представителей других этносов, которые спасали евреев. Эти люди — гордость и слава, воплощение самых лучших человеческих качеств. Они спасали честь своих народов.

Уже известно, что звания «Праведника народов мира» Мемориальным музеем памяти жертв и героев Катастрофы европейского еврейства «Яд ва-Шем» в Иерусалиме удостоены более 710 уроженцев и жителей Беларуси. Это высокое звание присвоено людям, которые, рискуя своей жизнью и жизнью своих родных, спасали от нацистов и их пособников евреев в 1941—1944 годах. Среди этих евреев было немало узников Минского гетто.

«Праведниками народов мира» стали минчане Елена Валендович, Ольга Сидоренко, Евгения Емельянова, Эмилия Варакса, ее сын Вячеслав и дочь Тамара Липень, Денис и Нина Галаховы, Анна Серова и ее дочь Зоя, Адам и Лидия Петровичи и их дочь Валентина Выхото, Мария Бабич, Александра Гржибовская-Слепова, знаменитая минская подпольщица, Герой Советского Союза Мария Осипова и ее дочь Тамара, Елена Павлова и ее дочь Ирина Простак, Дарья Сакуро, Иван и Екатерина Бовт и их сын Иван, Иосиф и Елизавета Быковы и их дочь Людмила Мачуленко, Мария Евдокимова, Юлиан и Вера Игруши и их сын Виктор, Александр и Маргарита Мановы, Надежда Мариненко, Людмила Салтанович-Лаврова, Кирилл и Анастасия Семашко и их дочь Раиса, Ольга Глазевная и ее сестра Варвара Симон, Анна Величко, Мария Калинина и Михаил Филиппович, Петр и Лидия Поликарпович и их дочери Татьяна и Валентина, Мария Харецкая, Михаил Панасюк, Ольга Апатская и ее сын Владимир, Викентий и Вера Бируля и их сын Альберт, Екатерина Голоцевич, Юлия Уласик и ее

¹ Хеккер К. Немецкие евреи в Минском гетто. Минск, 2007.

дочь Наталья, Елизавета Ливанова и Лукерья Прудниченко, Николай Светликов и его жена Стефанида Голушенкова, Юлия Кухта, Варвара Филиппович, Мария Шароварова, Анна Крезо и ее дочь Надежда Соловьева, Клара Герасимович и ее дочь Инна Хилькевич, Александр и Мария Прокопович и их дочь Софья, Мария Ковзус, Никита и Софья Лукьянович и их дочь Светлана, Елена Печенежская, Александра Рогачевская-Дулевич, Вера Спарнинг-Демидова, Надежда Старовойтова, Владимир и Мария Лопатик и их сын Владимир, Ольга Чапланова, Фатима Канапацкая и ее дочь Айша (Анна Трофимова), семья Хачевских, Надежда Макрущиц.

«Праведниками народов мира» оказались жители белорусских деревень Поречье и Святое Пуховичского района, которые в 1943 году приютили около 40 еврейских детей, бежавших из Минского гетто.

Я убежден, что если бы спасителей евреев среди местных жителей начали искать сразу после Великой Отечественной войны, «Праведников народов мира» среди белорусов и других этносов нашей республики было бы во много раз больше и Республика Беларусь заняла бы одно из первых мест в Европе. Не будем забывать, что, начиная с 1948 года и кончая 1980-ми годами, в СССР проводилась политика государственного антисемитизма и женщине, которая спасала евреев, говорили: «Ты не тех спасала».

Надеюсь, что тех жителей Беларуси, которые в годы войны спасали евреев — граждан БССР и СССР, кроме медали «Праведник народов мира» когда-нибудь удостоят наград Республики Беларусь, как это делается в братской Украине.

* * *

Исследование неизвестных и малоизвестных страниц истории Минского гетто в 1941—1943 годах — это вместе с тем ликвидация «белых пятен» трагической и героической истории белорусского народа в годы Великой Отечественной войны.

Многогранная трагическая и героическая история Минского гетто еще ждет своего исследователя или коллектива исследователей, которые бы смогли создать фундаментальный научный труд по данной проблеме.

